

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

УДК 811

<https://doi.org/10.25076/vpl.60.01>

Е.Н. Малюга,

А.А. Хаперсткова¹

Российский университет дружбы народов имени Патриса
Лумумбы

ЛИНГВОПРАГМАТИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ МЕТАСООБЩЕНИЙ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

В исследовании рассматриваются метасообщения как неэксплицитные компоненты высказывания, влияющие на интерпретацию профессионального дискурса. Несмотря на активное развитие прагмалингвистики, роль метасообщений в профессиональном дискурсе остаётся недостаточно изученной, что затрудняет их разграничение с другими типами неэксплицитных компонентов высказывания. Цель работы состояла в выявлении функций метасообщений и определении риторических средств, посредством которых эти функции реализуются. Материалом исследования выступил корпус из 152 текстов деловых изданий Южной Африки за 2021–2024 годы. Вручную аннотированы 427 метасообщений, классифицированных по четырём функциям: манипулятивной, оценочной, регулятивной и апеллятивной. Количественный анализ показал доминирование манипулятивной функции. Преобладание манипулятивной функции метасообщений объясняется структурной близостью манипуляции к самой сути метасообщения, которое скрыто направляет интерпретацию, сохраняя внешнюю нейтральность. Качественный анализ позволил выделить четыре риторических

---

¹ © Малюга Е.Н., Хаперсткова А.А. 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution
4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by/4.0>

средства, реализующих выявленные функции метасообщений: метафору, эвфемизм, персонификацию и антитезу. Каждое из идентифицированных риторических средств участвует в реализации всех четырёх функций. Полученные результаты уточняют теоретический статус метасообщения и демонстрируют его значимость для анализа профессионального дискурса.

Ключевые слова: профессиональный дискурс, метасообщение, метакоммуникация, лингвопрагматическая функция, прагмалингвистика

UDC 811

<https://doi.org/10.25076/vpl.60.01>

E.N. Malyuga,

A.A. Khaperstkova

RUDN University

LINGUOPRAGMATIC FUNCTIONS OF METAMESSAGES IN PROFESSIONAL DISCOURSE

The study examines metamessages as non-explicit components of an utterance that influence the interpretation of professional discourse. Despite the active development of pragmalinguistics, the role of metamessages in professional discourse remains insufficiently explored, which complicates their distinction from other types of non-explicit elements in an utterance. The aim of the study was to identify the functions of metamessages and to determine the rhetorical devices through which these functions are realised. The material consisted of a corpus of 152 texts from South African business media published between 2021 and 2024. A total of 427 metamessages were manually annotated and classified into four functions: manipulative, evaluative, regulative, and appellative. Quantitative analysis showed a clear dominance of the manipulative function. The predominance of the manipulative function of metamessages is explained by the structural closeness of manipulation to the very essence of the metamessage, which secretly directs the interpretation while maintaining external neutrality. Qualitative analysis made it possible to identify four rhetorical devices used to realise the functions of metamessages: metaphor, euphemism,

personification, and antithesis. Each of the identified devices contributes to the realisation of all four functions. The findings refine the theoretical status of the metamessage and demonstrate its relevance for the analysis of professional discourse.

Keywords: professional discourse, metamessage, metacommunication, linguopragmatic function, pragmalinguistics

Введение

В профессиональном дискурсе интерпретация сообщения осуществляется на основе не только эксплицитно выраженного содержания, но и компонентов, которые не получают прямой вербализации, но тем не менее оказывают влияние на восприятие информации адресатом. К таким компонентам относятся метасообщения – элементы высказывания, не закреплённые в явной лексико-грамматической форме, но влияющие на то, какие аспекты содержания становятся для адресата значимыми в процессе его интерпретации. Другими словами, через метасообщения уточняется способ соотнесения высказывания с его контекстом, что влияет на осмысление представленных сведений в рамках профессионального дискурса.

Несмотря на продолжительный научный интерес к вопросам метакоммуникации, описание метасообщений в научной литературе остаётся фрагментарным, что затрудняет их концептуальное разграничение с другими типами неэксплицитных компонентов высказывания. Вследствие этого существующие наблюдения о метасообщениях остаются малоизученными: не прояснены их функциональное распределение, используемые средства реализации и специфика функционирования в различных типах дискурса. Данная лакуна создаёт методологическую неопределённость, которая проявляется в недостаточном теоретическом описании и прикладном анализе данного феномена.

Цель настоящего исследования заключается в устранении установленной лакуны через выявление функций метасообщений в профессиональном дискурсе южноафриканских англоязычных СМИ и определение риторических средств, посредством которых эти функции реализуются. Выбор южноафриканского профессионального дискурса в качестве материала исследования обусловлен тем, что он демонстрирует сочетание факторов,

повышающих значимость неэксплицитных компонентов высказывания, влияющих на его интерпретацию. Экономическая нестабильность, тесная взаимосвязь управленческих и политических процессов, а также существенная роль медиа в формировании оценочных представлений создают условия, при которых метасообщения становятся устойчивым элементом южноафриканского профессионального дискурса. В таких условиях порождаемые высказывания функционируют в контексте, где даже формально нейтральные сообщения приобретают дополнительную прагматическую маркированность, что делает южноафриканский профессиональный дискурс эмпирически продуктивным материалом для анализа метасообщений.

Научная новизна исследования состоит в уточнении теоретического статуса метасообщения как компонента профессионального дискурса и определении ключевых метакоммуникативных функций, реализующихся через установленный набор риторических средств.

Материалы и методы

Материалом исследования выступил корпус текстов южноафриканских англоязычных СМИ, освещающих вопросы, относящиеся к профессиональному дискурсу в сфере экономики и деловой коммуникации. В выборку вошли публикации из *Financial Mail*, *Business Day*, *Sunday Times Business* и ряда других изданий, регулярно формирующих информационную повестку в этой области. Корпус охватывает период с 2021 по 2024 год, что обеспечивает репрезентативность анализа. Всего рассмотрено 152 текста, отобранных по тематическому признаку и соответствующих жанровым характеристикам профессионального дискурса.

Единицей анализа выступает текстовый фрагмент, содержащий компонент, который не выражен эксплицитно, но при этом влияет на интерпретацию сообщения и обладает функциональной направленностью в рамках профессионального дискурса. При выделении таких фрагментов учитывались два критерия: отсутствие эксплицитной лексико-грамматической вербализации и наличие прагматической функции, реализующейся в интерпретационном или воздействующем потенциале текста. Элементы, демонстрирующие лишь структурную

неэксплицитность без функциональной значимости, в анализ не включались.

Рабочее определение метасообщения, применяемое в исследовании и уточняемое далее в теоретической части статьи, трактует его как компонент высказывания, не выраженный эксплицитно, но воздействующий на интерпретационную направленность текста и выполняющий одну из прагматических функций профессионального дискурса. Это определение обеспечивает согласованность классификации и позволяет разграничивать метасообщения и другие формы неэксплицитных элементов текста.

Аннотирование корпуса проводилось вручную. Каждый текст анализировался последовательно, и фрагменты, соответствующие рабочему определению метасообщения, фиксировались и относились к одной из четырех выделяемых функций: манипулятивной, регулятивной, оценочной или апеллятивной. При классификации учитывались коммуникативная направленность и контекстуальные особенности текста. В случаях возможного пересечения функций учитывался доминирующий признак.

Для обработки материала использовался комплекс методов, позволяющий описать как функциональные характеристики метасообщений, так и способы их риторической реализации. Лингвопрагматический подход применялся в качестве главного аналитического инструмента и использовался для определения функций метасообщений как неэксплицитных компонентов профессионального дискурса. Качественный контент-анализ был направлен на выявление и систематизацию риторических средств, посредством которых реализуются функции метасообщений. Количественный анализ применялся для определения частотности функций и риторических средств и для выявления доминирующих тенденций в распределении метасообщений в профессиональном дискурсе.

Надёжность результатов обеспечивалась (1) тематической репрезентативностью корпуса, охватывающего значимый временной период и включающего материалы ведущих СМИ; (2) использованием стабильных критериев аннотирования, сформулированных до начала анализа; и (3) повторной проверкой классификации, что позволило минимизировать влияние

субъективного фактора при отнесении фрагментов к функциональным категориям.

Теоретические основания исследования

Происхождение и развитие понятия «метасообщение»

Первые описания явлений, которые сегодня соотносятся с понятием метасообщения, появились в работах Г. Бейтсона середины 20-го века. В своих исследованиях коммуникации в антропологическом и психотерапевтическом контексте Бейтсон исходил из того, что любое высказывание не сводится к передаче информации в прямом значении. Оно всегда сопровождается указаниями о способе его интерпретации, которые формируют дополнительный, не выраженный напрямую уровень содержания. Именно этот уровень Г. Бейтсон обозначал как сферу метакоммуникации (Bateson 1972). Он рассматривал её как обязательную составляющую коммуникативного процесса, поскольку интерпретация высказывания невозможна без сигналов, обозначающих отношение говорящего к собственному сообщению или к адресату.

Идея о двухуровневой структуре коммуникации получила дальнейшее развитие в теории, предложенной П. Ватцлавиком и его коллегами. Их исследования подчёркивали различие между содержательным компонентом сообщения и компонентом, который задаёт его интерпретационный статус (Watzlawick, Beavin, Jackson 1967). В понимании исследователей метакоммуникация не представляла собой надстройку, возникающую лишь в отдельных случаях; напротив, она рассматривалась как структурная характеристика любого взаимодействия. Именно это положение фактически создаёт основу для современного понимания метасообщения как элемента, определяющего направленность интерпретации текста и дискурса.

В дальнейшем понятие метасообщения стало получать междисциплинарные трактовки. В исследованиях организационной коммуникации внимание уделялось тому, как скрытые сигналы определяют восприятие управленческих решений и корпоративной политики (Putnam, Fairhurst 2015; Castor 2017). В работах по политическому дискурсу указывалось на роль не прямых интерпретационных компонентов в формировании общественных установок и консенсусов (Esser, Reinemann, Fan 2001; Brüggemann

2014). Исследования цифровой коммуникации показали, что в онлайн-среде метасообщения часто формируются через выбор форматов подачи, графические элементы или композиционные особенности сообщения, а не только через языковое выражение (Hristova, Jovicic, Göbl 2022; Page, Barton, Lee 2022). Несмотря на различие исследовательских задач, все эти работы подчёркивают, что значимую роль в интерпретации сообщения играют элементы, которые не имеют прямой вербализации, но воздействуют на содержание, определяя характер соотнесения высказывания с его контекстом.

Лингвистический интерес к метасообщениям усилился в связи с развитием прагматических исследований. В современной прагмалингвистике метасообщение рассматривается как особый тип коммуникативного сигнала, влияющего на выбор интерпретационной стратегии адресата (Tannen 2013; Names, Naugh, Musgrave 2025). В работах по дискурсивной прагматике отмечается, что метасообщения формируют специфические условия для интерпретации текста, воздействуя на восприятие не через эксплицитные языковые средства, а через элементы, определяющие оценочную, коммуникативную или аргументативную перспективу высказывания (Kádár, House 2021; Fialkoff, Pinchevski 2024).

Таким образом, развитие понятия метасообщения отражает постепенный переход от его первоначальной трактовки как психологического феномена к его лингвистическому осмыслению. Современные исследования рассматривают метасообщение как неэксплицитный компонент высказывания, который оказывает направляющее воздействие на интерпретацию текста и участвует в структурировании коммуникативной ситуации. Именно в этом значении понятие используется в настоящем исследовании, где объектом анализа выступает функционирование метасообщений в профессиональном дискурсе.

Различие метасообщений и родственных понятий

Поскольку в современной лингвистике различные типы неэксплицитных элементов высказывания нередко описываются через пересекающиеся терминологические поля, необходима чёткая дифференциация метасообщений и иных категорий, участвующих в формировании интерпретации текста. Отсутствие

такой дифференциации упоминается как одна из наиболее частых проблем в современных исследованиях прагматики и дискурсивного анализа (Lewis, Rienties, Rets 2022; Tajsin, Gurianov 2021). Ниже рассматриваются основные сопоставления, позволяющие определить статус метасообщения в рамках профессионального дискурса.

Метасообщение и имплицитность

Имплицитность традиционно понимается как широкий класс явлений, включающий пресуппозиции, имплицатуры, различные формы умолчания, эллипсис, а также ассоциативные значения, возникающие по линии контекста (Levinson 1983; Alejandro, Zhao 2024). В лингвистической литературе имплицитность обозначает способ организации содержания, при котором часть информации не выражена эксплицитно, но может быть восстановлена адресатом при опоре на знания языка и контекста.

Метасообщение, при всей его неэксплицитности, не совпадает с имплицитностью как классом явлений. В отличие от имплицитных элементов, которые могут быть нейтральными по своей функции и не обладать воздействующим потенциалом, метасообщение характеризуется прагматической направленностью: оно формирует условия интерпретации и задаёт вектор смыслового воспроизведения текста. Это сближает его не столько с формально-структурными проявлениями имплицитности, сколько с прагматическими механизмами, описывающими распределение интерпретационных ролей в дискурсе (Clark 2013).

Таким образом, имплицитность представляет собой тип способа выражения, тогда как метасообщение – тип коммуникативной функции внутри этого способа.

Метасообщение и подтекст

Подтекст традиционно связывают с художественным и публицистическим дискурсом, где он выступает механизмом создания дополнительных значений, возникающих на пересечении авторской интенции и контекстуальных ассоциаций (Hansen 2024). Подтекст может реализовываться через интертекстуальные отсылки, коннотативные оттенки или стилистические средства, и его цель часто заключается в усложнении смысла или создании художественного эффекта.

В профессиональном дискурсе метасообщение не нацелено на создание дополнительных смысловых пластов. Оно обеспечивает ту форму организации восприятия, которая определяет, какие элементы содержания становятся значимыми для адресата. В отличие от подтекста, который может иметь условно «пассивный» характер и не направляться на конкретный коммуникативный результат, метасообщение всегда функционально: оно ориентировано на воздействие, перераспределение смысловой значимости элементов текста и уточнение отношений между адресантом, адресатом и сообщением.

Метасообщение и импликатура

Импликатуры, описанные П. Грайсом и активно развиваемые в последующих работах по прагматике (Grice 1975; Yulianti, Arafah, Rofikah 2022; Gershman, Ullman 2023), представляют собой значения, выводимые адресатом на основе принципа кооперации и нарушения его максим. Они возникают как результат логического вывода и в ряде случаев не привязаны к воздействующей функции: многие импликатуры выполняют лишь уточняющую или информативную роль.

Метасообщения, напротив, не обязательно основаны на логическом выводе и не требуют нарушения максим. Они могут возникать из выбора лексики, порядка подачи информации, интонационно-композиционных решений текста или других элементов, которые не обеспечивают единственно возможного логического вывода. В отличие от импликатуры, метасообщение может иметь социально мотивированный характер и реализовывать коммуникативные задачи, связанные с интерпретационной ориентацией текста (Haiman 2011; Tannen 2012).

Тем самым импликатура связана прежде всего с логикой взаимодействия, тогда как метасообщение – с интерпретационной функцией в структуре дискурса.

Метасообщение и пресуппозиция

Пресуппозиции относятся к тем элементам содержания, которые встроены в языковую структуру и активируются определёнными лексическими и грамматическими средствами (Moldovan 2023; Aravind, Fox, Hackl 2023). Они обладают устойчивым семантическим статусом: при использовании определённых

предикатов или реляционных структур соответствующее знание предполагается в сознании адресата.

Метасообщение не опирается на формальные языковые триггеры. Оно может отсутствовать на уровне синтаксической или семантической структуры и проявляться исключительно в прагматическом выборе средств, включая лексику, порядок изложения, композиционную организацию текста и риторические приемы. В отличие от пресуппозиций, которые имеют устойчивый статус в структуре значения, метасообщения относятся к способу соотнесения содержания с контекстом и не являются обязательным компонентом высказывания.

Рабочая дефиниция метасообщения

Сопоставление метасообщения с другими неэксплицитными элементами высказывания позволяет определить его как самостоятельную лингвопрагматическую категорию, не совпадающую с имплицитностью, подтекстом, импликатурой или пресуппозицией как способами выражения содержания. В отличие от имплицитности, представляющей собой широкий класс явлений, связанных с частичной невыраженностью содержания, метасообщение не относится к способам его кодирования, а характеризуется функциональной направленностью: оно ориентирует интерпретацию текста и участвует в перераспределении смысловой релевантности в пределах конкретного высказывания. Не совпадая с подтекстом, который может выполнять эстетические или интертекстуальные задачи и не обязательно обладает прагматической целенаправленностью, метасообщение формируется в рамках коммуникативной задачи и влияет на интерпретационную перспективу адресата. Метасообщение также не сводится к импликатуре, поскольку не основано на логической процедуре вывода и не требует соотнесения с принципом кооперации: оно может возникать из выбора языковых средств, порядка подачи информации или композиционных и риторических решений, не предполагающих единственной интерпретационной траектории. Оно также не является разновидностью пресуппозиции, так как не связано с формальными языковыми триггерами и не представляет собой обязательного элемента значения.

С учётом выявленных различий в настоящем исследовании под метасообщением понимается неэксплицитный прагматический компонент высказывания, возникающий не из языковой структуры или процедур логического вывода, а из выбора композиционных и риторических средств, и выполняющий функцию ориентации интерпретации высказывания в пределах конкретного коммуникативного акта профессионального дискурса.

Такое понимание позволяет фиксировать четыре свойства метасообщения, отличающие его от других неэксплицитных элементов высказывания. Во-первых, ему присущ неэксплицитный характер, не связанный с формальными механизмами имплицитности. Во-вторых, метасообщение обладает интерпретационной направленностью, влияя на то, какие значения адресат считает релевантными при восприятии сообщения. В-третьих, оно имеет прагматическую функцию, обусловленную задачами соответствующего типа дискурса. И, в-четвёртых, ему свойственна локальность функционирования, поскольку метасообщение связано с отдельным высказыванием и не относится к уровню общей организации текста.

В таком понимании метасообщение выступает самостоятельным аналитическим объектом, позволяющим описывать механизмы интерпретационной ориентации текста в профессиональном дискурсе.

Прагматика метасообщений в профессиональном дискурсе

Исследования скрытых прагматических компонентов высказывания демонстрируют, что метасообщения могут участвовать в организации профессионального дискурса по ряду интерпретационных и воздействующих направлений. При этом в научной литературе отсутствует единая классификация таких функций: различные авторы описывают метасообщения через разные аналитические призмы, связывая их либо с механизмами оценки, либо с управлением вниманием адресата, либо с перераспределением интерпретационной значимости текста (Castor 2017; Esser, Reinemann, Fan 2001; Tannen 2013). Для настоящего исследования важно не зафиксировать готовую типологию, а определить те направления, в рамках которых современные работы рассматривают скрытые прагматические сигналы профессионального дискурса.

Одним из таких исследовательских направлений является анализ скрытого воздействия. В ряде публикаций подчёркивается, что неэксплицитные элементы текста могут направлять интерпретацию описываемых событий или решений, создавая предпочтительную интерпретационную траекторию без прямой вербализации воздействующего намерения (Fialkoff, Pinchevski 2024; Haiman 2011). В этом контексте метасообщения рассматриваются как механизм формирования интерпретационной перспективы, которая выглядит естественной или самоочевидной для адресата.

Другим значимым направлением является оценочная составляющая скрытых прагматических сигналов. В рамках критического дискурс-анализа отмечается, что профессиональные тексты часто формируют оценочные позиции автора именно за счёт неэксплицитных средств, поскольку прямое выражение оценки может не соответствовать жанровым требованиям (Schnurr 2024). В данной перспективе метасообщения связаны с распределением оценочной нагрузки в пределах высказывания.

Некоторые исследования рассматривают скрытые элементы как механизм координации профессиональных ролей и норм. Так, в работах по прагматике институциональной коммуникации подчеркивается, что неэксплицитные сигналы могут задавать ощущение нормативности определённых действий или легитимности определённого способа интерпретации событий, при этом оставаясь неоформленными на уровне прямых инструкций (Храмченко 2010; Malyuga, Maksimova, Ivanova 2019). Данное направление исследований связывает метасообщения с регулятивными аспектами профессионального взаимодействия.

В литературе также отмечается, что скрытые компоненты могут усиливать обращённость текста к адресату. Эта интерпретационная направленность описана в исследованиях медиакоммуникации, где внимание уделяется тому, как тексты создают эффект участия адресата в оценке ситуации или побуждают его к определённой реакции при отсутствии прямого побуждения (Page, Barton, Lee 2022; Tajsin, Gurianov 2021).

Отдельное направление связано с участием скрытых сигналов в организации дискурсивной структуры. Ряд работ показывает, что неэксплицитные элементы могут влиять на последовательность подачи информации, способ связывания смысловых блоков или

продвижение аргументации, действуя параллельно эксплицитным элементам метадискурса (Nyland, Jiang 2024; Nyland 2023). В этой перспективе метасообщения рассматриваются как дополнительные средства обеспечения связности профессионального текста.

Перечисленные направления не образуют единой системы и не представляют собой окончательной типологии. Они отражают то многообразие интерпретационных и прагматических задач, которые скрытые компоненты высказывания могут выполнять в профессиональном дискурсе. Изложенные теоретические положения служат основой для дальнейшей эмпирической части настоящего исследования, где функции метасообщений будут выделяться непосредственно на основе анализа корпуса текстов.

Южноафриканские СМИ как дискурсивное пространство

Южноафриканские англоязычные СМИ функционируют в профессиональном контексте, который определяется высокой экономической волатильностью, политической неоднородностью и значительной зависимостью бизнеса от регуляторных решений. Эти параметры внешней среды формируют специфику дискурсивного пространства, в котором профессиональная коммуникация неизбежно приобретает интерпретационный характер и включает значительное количество неэксплицитных прагматических сигналов. В научной литературе неоднократно отмечалось, что в подобных условиях медиадискурс выполняет не только информирующую, но и интерпретационно-координирующую функцию: он участвует в распределении ответственности и формировании ожиданий участников профессионального взаимодействия (Малюга, Попова 2018; Малюга, Банщикова 2011). Дискурсивное пространство южноафриканских медиа, таким образом, не ограничивается фиксацией социально-экономических процессов, а представляет собой область, в которой формируются устойчивые способы их представления.

Высокая неопределённость южноафриканской экономической повестки усиливает значимость скрытых интерпретационных сигналов, используемых для уточнения взаимосвязей между регуляторной политикой, корпоративными процессами и ожиданиями аудитории. Исследования медиакommunikации указывают, что в условиях нестабильности именно неэксплицитные элементы дискурса становятся ключевыми инструментами

формирования оценки и интерпретации, поскольку прямые высказывания нередко ограничены требованиями формальной нейтральности (Hřebačková 2019; Popova 2018).

Для профессионального дискурса это особенно значимо: аудитория, ориентированная на принятие решений, чувствительна к смысловым сдвигам и к тем нюансам подачи информации, которые корректируют восприятие рисков, легитимности действий или степени надёжности источника (Danilina, Kizyan, Maksimova 2019; Vishnyakova, Polyakova 2017). В таком контексте дискурсивное пространство южноафриканских СМИ формирует совокупность условий, в которых метасообщения оказываются не побочным явлением, а важным инструментом смысловой ориентации.

Работы, посвящённые медийным системам стран с высокой политико-экономической изменчивостью, подчёркивают, что именно в таких дискурсивных пространствах возрастает прагматическая нагрузка неэксплицитных элементов: они выступают средствами поддержания доверия, структурирования неопределённости и согласования ожиданий между профессиональными акторами (Гришечко 2023).

Именно поэтому южноафриканское дискурсивное пространство представляет собой особенно релевантный материал для изучения метасообщений. Оно сочетает насыщенность скрытыми прагматическими сигналами, высокую интерпретационную чувствительность аудитории и постоянную необходимость согласовывать противоречивые факторы – политические, экономические и институциональные. В таких условиях метасообщения приобретают особую значимость, поскольку воздействуют на то, как адресат соотносит представленную информацию с контекстом профессионального дискурса и каким образом структурирует её понимание.

Результаты и обсуждение

Выявленные функции метасообщений в корпусе

В ходе анализа корпуса было выявлено 427 метасообщений, и их распределение по функциям оказалось заметно неравномерным (Рисунок 1).

Наибольшее число метасообщений – 204, что составляет 48% – выполняют манипулятивную функцию. Она доминирует настолько

устойчиво, что фактически задаёт общий функциональный профиль корпуса: почти каждое второе метасообщение связано с попыткой направить интерпретацию, сместить фокус риска или иначе скорректировать восприятие описываемой ситуации.

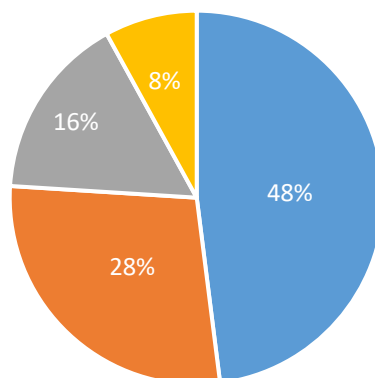
Второй по частотности оказалась оценочная функция, которая была реализована в 118 метасообщениях (28%), зарегистрированных в корпусе. Данная функция заметно уступает манипулятивной по количественной репрезентации: оценочные элементы присутствуют регулярно, но не определяют общую динамику дискурса.

Регулятивные метасообщения выявлены реже – 69 случаев (16%). Их присутствие стабильно, но не выразительно: они появлялись преимущественно в материалах, где журналистская подача пересекается с обсуждением институциональных норм, решений или политик.

Апеллятивная функция проявилась в 36 метасообщениях (8%). Данная группа высказываний оказалась сравнительно малочисленной и формирует периферию функционального распределения.

Количественное распределение функций метасообщений показывает, что почти половина всех зафиксированных метасообщений выполняет манипулятивную функцию. Доминирование манипулятивной функции подтверждает, что в условиях профессионального дискурса метасообщение не просто «сопровождает» основное содержание, но становится самостоятельным инструментом управления интерпретацией. Менее выраженные функции (оценочная, регулятивная и апеллятивная) распределяются таким образом, что каждая из них сохраняет значимость, но не определяет общего функционального профиля корпуса.

Функциональное распределение подтверждает, что именно скрытые интерпретационные инструменты составляют основу прагматической нагрузки южноафриканского профессионального дискурса.

- Манипулятивная функция ■ Оценочная функция
- Регулятивная функция ■ Апеллятивная функция

Рисунок 1. Количественное распределение функций метасообщений в корпусе

Выявленные риторические средства реализации функций метасообщений

Анализ корпуса показал, что метасообщения опираются на ограниченный, но устойчиво повторяющийся набор риторических средств, каждое из которых способно участвовать в формировании любой из четырёх выделенных функций. Всего зафиксировано 684 риторических реализации; отдельные фрагменты часто включали несколько одновременно задействованных риторических средств. При этом распределение средств по корпусу демонстрирует определённую закономерность, позволяющую проследить, какие именно риторические средства формируют интерпретационные сдвиги в профессиональном дискурсе.

Наиболее частотным риторическим средством оказалась метафора: в корпусе зафиксировано 211 случаев её употребления (31%). Она используется для репрезентации экономических процессов через образные модели, в которых явления описываются как движение, давление, нарастающая нестабильность или постепенное расширение зоны риска. Метафорические выражения активно задействуются с целью реализации манипулятивной

функции, когда метафора служит способом косвенного обозначения неопределённости или угрозы в связи с регуляторными или рыночными изменениями. В оценочной функции метафора используется как средство имплицитного приписывания характеристик участникам событий: выбранная метафорическая модель формирует для адресата определённый способ их восприятия, не прибегая к прямой оценочной лексике. В регулятивной и апеллятивной функциях метафорические обозначения используются для маркирования желательных или нежелательных траекторий развития событий, создавая у адресата представление о предпочтительном способе их интерпретации. Таким образом, метафора выступает универсальным риторическим средством, применяемым в контексте всех четырёх функций и обеспечивающим широкий спектр прагматических эффектов в профессиональном дискурсе.

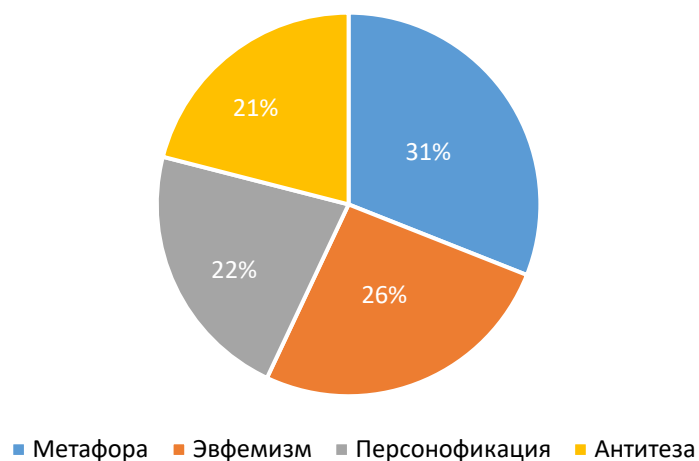
Вторым по частотности оказался эвфемизм – 176 случаев (26%). Эвфемистические замены использовались для сглаживания потенциально конфликтных тем, снижения интенсивности негативных формулировок и перераспределения ответственности за неудачные решения. Эвфемизмы одинаково активны в манипулятивных метасообщениях (когда смягчение служит способом скрытой коррекции интерпретации), в оценочных (где замена снижает эксплицитность негативной оценки), в регулятивных (где формулировки создают иллюзию объективности или неизбежности), и в апеллятивных (когда смягчённый тон превращает скрытый призыв в ненавязчивое «рекомендательное» сообщение). Эвфемизм демонстрирует функциональную многозадачность, а не принадлежность к одному типу воздействия.

Персонификация, зафиксированная в 150 случаях (22%), оказалась одним из ключевых средств скрытого перераспределения агентности. Финансовые процессы «реагируют», рынки «нервничают», экономика «оживает» или «буксует» — такие переносы создают впечатление, что абстрактные явления обладают собственной волей, что существенно меняет интерпретационный вектор. Персонификация равномерно встречается во всех функциях: в манипулятивных метасообщениях она создаёт иллюзию естественности происходящего, в оценочных – наделяет процессы эмоциональными характеристиками, в регулятивных –

формирует ожидание определённой реакции участников, а в апеллятивных – соединяет фактическую информацию с призывом к внимательности.

Наконец, антитеза, встречающаяся в 147 случаях (21%), выполняла роль структурирующего инструмента, через который авторы задают интерпретационные контрасты: «рост на фоне нестабильности», «сильные показатели при слабом спросе», «прибыль увеличилась, но доверие упало». Такие конструкции формируют скрытый смысловой градиент, не только фиксируя различие, но и задавая его прагматическое направление. Антитеза может проявляться как механизм манипулятивной функции (особенно при стратегическом противопоставлении отдельных факторов), оценочной (когда контраст усиливает скрытую характеристику), регулятивной (когда сопоставление создаёт иллюзию «правильного» выбора), и апеллятивной (когда адресату предлагается обратить внимание на диспропорцию).

Объединяющей характеристикой для всех четырёх риторических средств является их способность создавать интерпретационное смещение без прямых утверждений: именно это делает их риторической основой метасообщений. Каждое из рассмотренных средств (метафора, эвфемизм, персонификация и антитеза) не связано с какой-либо одной функцией и может использоваться для выполнения разных прагматических задач. Эти средства формируют устойчивые способы косвенного воздействия на понимание текста и в совокупности образуют инструментальную основу реализации метасообщений в профессиональном дискурсе.

Рисунок 2. Количественное распределение риторических средств реализации функций метасообщений

Интерпретационно-аналитический анализ выявленных функций метасообщений

Интерпретационно-аналитический разбор функций метасообщений позволяет показать, каким образом риторические средства формируют скрытую прагматическую направленность текста. В профессиональном дискурсе эти средства реализуются взаимосвязано, формируя тот способ смысловой обработки, который становится значимым для адресата. Ниже приводится аналитическое описание каждой функции с примерами, демонстрирующими, как риторические средства создают метасообщения, влияющие на понимание события, его оценку, нормативную интерпретацию или скрытый побудительный эффект.

Манипулятивная функция

Манипулятивная функция метасообщений проявляется прежде всего в способности текста формировать траекторию интерпретации, не прибегая к прямым утверждениям. В профессиональном дискурсе это достигается путём конструирования скрытой причинности, смещения значимости отдельных факторов и оформления событий посредством устойчивых способов их описания, воспринимаемых адресатом как

нейтральные или само собой разумеющиеся. Чаще всего такие эффекты возникают при участии образности, персонификации экономических процессов, эвфемистических формул и контрастных структур, задающих направленное сопоставление явлений. Ни один элемент не несёт воздействия в одиночку – метасообщение возникает на стыке риторического выбора и тематической структуры.

Так, в метафорическом выражении *«market uncertainty is tightening its grip on the sector»* риторическая модель «сжатия» передаёт идею потери контроля, хотя фактическая сторона высказывания нейтральна. Метафора придаёт абстрактному явлению характер действующей силы, тем самым программируя читателя воспринимать ситуацию как наступление давления. В эвфемистическом обороте *«policy adjustments may introduce short-term frictions»* резкие структурные изменения смягчаются до «трений», что скрывает масштаб возможных последствий и направляет восприятие в сторону управляемости происходящего. Персонификация в высказывании *«the currency is showing signs of hesitation»* переносит колебания валютного курса в пространство человеческого поведения; это создаёт эффект психологизации экономического процесса и незаметно задаёт интерпретацию нестабильности как эмоциональной реакции. Антитеза проявляется, например, в конструкции *«profits improved, yet confidence deteriorated»*: противопоставление двух тенденций формирует скрытый фокус на убывающем доверии, делая его главным элементом интерпретации независимо от фактической информации о прибыли.

Данные примеры демонстрируют, что манипулятивная функция возникает за счёт того, что риторическое средство выполняет роль инструмента, направляющего восприятие: метафора конструирует причинность, эвфемизм скрывает резкость, персонификация приписывает агентность явлениям, а антитеза подчёркивает одно значение за счёт другого. Это позволяет метасообщению незаметно определять интерпретационную траекторию.

Оценочная функция

Оценочные метасообщения формируются не через прямые эпитеты или явные квалификации, а через семантические и риторические решения, которые смещают тональность описания. В

профессиональном дискурсе оценка часто скрыта в выборе метафорического образа, в эвфемистической переработке событий, в персонификационных переносах, наделяющих процессы характеристиками поведения, или в антитетических конструкциях, где сопоставление двух элементов создаёт неравномерное распределение значимости. Таким образом возникает скрытая, но тонально ощутимая оценка участников, процессов или решений, при этом формально текст остаётся информационно нейтральным.

В метафорическом фрагменте *«the initiative is still in its infancy»* программа внедрения изображается как структурно незрелая – метафора детства создаёт мягко сниженную оценку, не выражая её непосредственно. Эвфемизм проявляется, например, в выражении *«the board's communication strategy remains uneven»*: слово *uneven* заменяет более резкие оценки, но задаёт общее значение недостаточной согласованности, сохраняя формальный нейтралитет. Персонификация в фрагменте *«the sector is cautiously testing the waters»* задаёт образ нерешительности, который считывается как характеристика участников рынка, хотя формально описывается процесс. Антитеза в конструкции *«ambitious targets were set, but implementation lagged behind»* создаёт скрытую негативную оценку способности реализовать заявленное: именно противопоставление, а не содержательная часть сообщения формирует интерпретационный вывод.

Оценочная функция тем самым реализуется через механизм риторического смещения тональности. Метафора создает образное значение, эвфемизм сглаживает негативную коннотацию, персонификация переносит характеристику на процесс, а антитеза выделяет слабое звено в сопоставлении. Все примеры подтверждают, что оценочное метасообщение – это не прямое высказывание, а результат того, как риторическое решение структурирует смысловую перспективу.

Регулятивная функция

Регулятивные метасообщения формируют скрытое представление о том, какое поведение или интерпретация считаются «правильными», «ожидаемыми» или «соответствующими ситуации». Это достигается не прямыми предписаниями, а через риторические средства, создающие ощущение нормативности – будто описание отражает объективное

состояние дел, а не рекомендацию. Метафоры формируют представление о ситуации как требующей реагирования, задавая структуру, в которой определённые действия выглядят логически вытекающими из описываемой обстановки. Эвфемизмы снижают выраженную категоричность, переводя прямые обязательства в более мягкие формулировки, которые сохраняют направленность высказывания, но лишают его императивного характера. Персонификация придаёт экономическим или институциональным процессам свойства инициаторов событий, тем самым моделируя ситуацию, в которой внешние обстоятельства будто бы «выдвигают требования» или «задают условия» поведения участников. Антитеза закрепляет бинарные противопоставления, на фоне которых одно из возможных направлений действий оказывается представленным как предпочтительное или единственно рациональное.

Так, метафорическое высказывание *«to stay afloat, companies must adjust to the evolving situation»* оформляет адаптацию как единственную стратегически разумную реакцию: метафора «удержаться на плаву» задаёт норму поведения без прямого предписания. Эвфемистическое высказывание *«stakeholders are encouraged to revisit their risk assessments»* превращает фактически обязательную процедуру в мягкий совет, скрывая степень нормативного давления. Персонификация в выражении *«the market is signalling the need for consolidation»* делает рынок источником нормативных требований, устраняя субъектность реальных акторов и представляя курс действий как естественное следствие обстоятельств. Антитеза *«the sector can either embrace reforms or fall behind»* создаёт бинарную структуру, где одна альтернатива автоматически оказывается нормативно правильной, а другая – отклонением.

Таким образом, регулятивная функция реализуется через конструирование скрытых норм и предпочтительных траекторий поведения. Метафора формирует необходимость реакции, эвфемизм – мягкое принуждение, персонификация – естественность выбора, антитеза – неизбежность предпочтения определённой стороны.

Апеллятивная функция

Апеллятивные метасообщения в профессиональном дискурсе формируют скрытый сигнал необходимости внимания или готовности к действию, не прибегая к прямым директивным формам. В отличие от манипулятивных или оценочных метасообщений, где воздействие направлено на интерпретацию содержания, метасообщения, выполняющие апеллятивную функцию, ориентированы на поведение адресата: они побуждают учитывать определённые обстоятельства, отслеживать изменения или рассматривать ситуацию как требующую реакции. Риторические средства в этом случае выступают способом моделирования ситуации как потенциально значимой, то есть такой, где игнорирование представленных факторов может иметь последствия. При этом каждое средство участвует в создании разных форм этого скрытого побуждения.

Метафора создаёт представление о ситуации как о состоянии, требующем повышенного внимания. В выражении «*storm clouds are gathering over the fiscal outlook*» финансовые риски представлены как процесс накопления неблагоприятных условий. Хотя прямого указания на необходимость действий нет, метафорическая модель делает ситуацию потенциально значимой и тем самым создаёт скрытый мотив отслеживать развитие событий.

Эвфемизмы позволяют сформулировать призыв в смягчённой форме, придавая ему форму рекомендации. В высказывании «*firms should remain attentive to emerging sensitivities*» предупреждение о возможных рисках заменено умеренной лексикой, что снижает конфронтационность, но сохраняет побудительный эффект. Адресату предлагается наблюдать за развитием ситуации, хотя прямой директивы нет.

Персонификация формирует ощущение приближения событий, которые могут потребовать реакции. В примере «*policy shifts are approaching faster than expected*» регуляторные изменения представлены как движущиеся навстречу. Такая формулировка создаёт ощущение ограниченности времени и необходимость учитывать последствия изменений в актуальном планировании.

Антитеза задаёт контраст между положительными и отрицательными компонентами ситуации, подчеркивая, что оба аспекта требуют внимания. Так, пример «*opportunities are opening, yet vulnerabilities persist*» не содержит прямого призыва, но

фиксирует необходимость учитывать два разнонаправленных фактора одновременно. Контраст структурирует ситуацию как требующую наблюдения и осторожности.

Во всех четырех случаях апеллятивный эффект формируется не через императив, а через представление ситуации как потенциально значимой для адресата: метафора обозначает возможность развития неблагоприятных условий; эвфемизм позволяет выразить скрытое предупреждение в немаркированной форме; персонификация подчеркивает неизбежность наступающих изменений; антитеза фиксирует необходимость учитывать конкурирующие обстоятельства.

В совокупности эти средства создают пространство ожидания, в котором адресат воспринимает ситуацию как требующую внимания, несмотря на отсутствие прямой директивности. Данная совокупность признаков определяет апеллятивную функцию метасообщений в профессиональном дискурсе.

Аналитическое обоснование доминирования манипулятивной функции в контексте южноафриканского профессионального дискурса

Преобладание манипулятивной функции, выявленное в эмпирической части исследования, требует интерпретации, выходящей за рамки простого статистического соотношения. На теоретическом уровне метасообщение представляет собой неэксплицитный прагматический компонент, ориентированный на интерпретацию и возникающий из риторических решений автора. Такая характеристика делает манипулятивную функцию не просто одной из возможных, а структурно наиболее близкой к сущности метасообщения: именно она опирается на скрытое формирование интерпретационных траекторий, не нарушая жанровых ограничений и не вводя прямых оценок или указаний. В профессиональном дискурсе, который требует формальной нейтральности и избегает открытой субъективизации, подобная форма воздействия оказывается особенно релевантной. Это наблюдение соотносится с выводами исследований в сфере институциональной медиакommunikации, где скрытая направленность текста рассматривается как механизм поддержания статусной беспристрастности (Malyuga, Maksimova, Ivanova 2019).

Роль манипулятивной функции становится ещё более выраженной, если рассматривать её в контексте особенностей южноафриканского профессионального дискурса. Дискурсивное пространство южноафриканских англоязычных СМИ формируется на пересечении экономической турбулентности, регуляторной фрагментации и высокой зависимости бизнеса от политических решений. В таких условиях медиатекст неизбежно приобретает интерпретационный характер: медиарепрезентация событий превращается не просто в передачу информации, а в инструмент ориентации участников рынка в ситуации, где предсказуемость невелика, а значимость контекстуальных факторов высока.

Это объясняет, почему метасообщения в южноафриканском профессиональном дискурсе выступают не как дополнительный смысловой слой, а как внутренний инструмент самого дискурсивного функционирования. Медиа оказываются посредником между экономической действительностью и интерпретационными практиками аудитории. В ситуации, когда факты редко бывают однозначными, а последствия решений приобретают структурный характер, медиатексты вынуждены компенсировать нехватку стабильности через формирование скрытых интерпретационных ориентиров. Метасообщения становятся способом создать связность там, где ей не на что опираться, и именно это делает их доминирование неизбежным.

Структура метасообщений в корпусе соотносится с особенностями политико-экономической ситуации. В условиях высокой волатильности профессиональный дискурс должен сохранять видимость аналитической нейтральности, одновременно предоставляя читателю средства для ориентирования в рисках и создавая условия для поддержания доверия, которое медиа выполняют в рамках информационной функции. В таких условиях возрастает значимость риторических средств, обеспечивающих неэксплицитное воздействие на понимание текста. К ним относятся метафорические обозначения нестабильности, эвфемистические формулировки, смягчающие потенциально конфликтные элементы содержания, а также другие способы риторического оформления, которые позволяют корректировать восприятие без нарушения жанровых требований профессионального дискурса.

Эмпирические данные исследования (прежде всего преобладание метафор и эвфемистических конструкций) согласуются с наблюдениями работ по медиадискурсу стран с высокой политической неопределённостью и экономической зависимостью (Madrid-Morales, Wasserman 2022). Такие тексты неизбежно содержат не только фактическую информацию, но и дополнительные элементы, которые помогают читателю упорядочить представленное содержание. Эти элементы не формулируются напрямую, но задают то, каким образом адресат соотносит отдельные сведения и выстраивает общее представление о ситуации. Именно поэтому манипулятивная функция занимает центральное место в корпусе: она не просто выполняет прагматическую задачу, но отражает системное свойство профессионального дискурса, функционирующего в условиях нестабильного институционального и экономического окружения.

Выводы

Предпринятое исследование показало, что метасообщения занимают существенное место в профессиональном дискурсе южноафриканских англоязычных СМИ. Они формируют дополнительный, не выраженный напрямую компонент содержания, который влияет на то, как читатель воспринимает представленные сведения. Актуальность исследования обусловлена тем, что профессиональная коммуникация, функционирующая в условиях политико-экономической нестабильности, активно использует неэксплицитные дискурсивные средства для того, чтобы ориентировать аудиторию в сложной информационной среде. В данном контексте метасообщения выступают не побочной составляющей дискурса, а частью его содержательной организации, влияющей на восприятие информации.

Эмпирическая часть исследования позволила выделить четыре функции метасообщений – манипулятивную, оценочную, регулятивную и апеллятивную – и установить четыре риторических средства, через которые эти функции реализуются: метафору, эвфемизм, персонификацию и антитезу. Количественные данные показали значительное преобладание манипулятивной функции. Анализ примеров в корпусе показал, что каждое из риторических средств используется для выражения всех четырёх функций. Метафора помогает представить ситуацию через образное

сопоставление, эвфемизм смягчает значение высказывания в потенциально чувствительных контекстах, персонификация представляет процессы как участников действия, а антитеза подчёркивает противопоставления, влияющие на восприятие и оценку происходящего.

Теоретическая значимость работы заключается в уточнении статуса метасообщения как отдельной лингвистической категории, не сводимой ни к имплицитности в широком смысле, ни к подтексту, имплицатуре или пресуппозиции. Проведённое разграничение позволяет уточнить понятийный аппарат и предложить обоснованное описание тех невыраженных напрямую смысловых компонентов, которые играют заметную роль в профессиональном дискурсе. Полученные результаты согласуются с исследованиями в сфере метакоммуникации и демонстрируют роль риторических средств реализации метакоммуникативных функций в профессиональном дискурсе.

Практическая значимость работы связана с возможностью применения полученных данных в сферах медианалитики, корпоративных коммуникаций и анализе информационных рисков. Установленные в исследовании функции метасообщения и риторические средства их реализации могут использоваться при экспертной оценке медиаматериалов, профессиональных текстов, а также в обучении специалистов, работающих с подобными материалами. Полученные данные также могут быть положены в основу разработки инструментов автоматизированного анализа и аннотирования профессиональных текстов.

Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением корпуса, включением текстов различных жанров, сопоставлением южноафриканского профессионального дискурса с дискурсами других регионов и анализом устойчивости выявленных особенностей во времени. Дополнительный интерес представляет изучение того, как разные риторические средства сочетаются в пределах одного текста, а также задача разработки методики, интегрирующей качественный анализ метасообщений с количественными методами.

Литература

1. Alejandro A., Zhao L. Multi-method qualitative text and discourse analysis: a methodological framework // *Qualitative Inquiry*. 2024. № 30(6). P. 461–473.
2. Aravind A., Fox D., Hackl M. Principles of presupposition in development // *Linguistics and Philosophy*. 2023. № 46(2). P. 291–332.
3. Bateson G. The logical categories of learning and communication // *Steps to an ecology of mind*. The University of Chicago Press, 1972. P. 279–308.
4. Brüggemann M. Between frame setting and frame sending: how journalists contribute to news frames // *Communication Theory*. 2014. № 24(1). P. 61–82.
5. Castor T. R. Metacommunication // *The international encyclopedia of organizational communication*. Wiley, 2017. P. 80–90.
6. Clark U. *Language and identity in Englishes*. Routledge, 2013.
7. Danilina E. A., Kizyan E. E., Maksimova D. S. Euphemisms in advertising discourse: putting on a positive face and maintaining speech etiquette // *Training, Language and Culture*. 2019. № 3(1). P. 8–22. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>
8. Esser F., Reinemann C., Fan D. Spin doctors in the United States, Great Britain, and Germany: metacommunication about media manipulation // *Harvard International Journal of Press/Politics*. 2001. № 6(1). P. 16–45.
9. Fialkoff Y., Pinchevski A. Skilling communication: the discourse and metadiscourse of communication in self-help books // *The Communication Review*. 2024. № 27(2). P. 148–171.
10. Gershman S. J., Ullman T. D. Causal implicatures from correlational statements // *PloS One*. 2023. № 18(5). P. e0286067.
11. Grice H. P. *Logic and conversation* // *Syntax and Semantics*. 1975. № 3, P. 43–58.
12. Haiman J. *Moods and metamessages: alienation as a mood* // *Modality in grammar and discourse*. John Benjamins Publishing Company, 2011. P. 329–346.
13. Hames S., Haugh M., Musgrave S. “How is that unparliamentary?”: the metapragmatics of “unparliamentary” language in the Australian Federal Parliament // *Lingua*. 2025. № 320. P. 103932.

14. Hansen J. J. Design principles as communication: text, context, and subtext // *Creating design knowledge in educational innovation*. Routledge, 2024. P. 37–51.
15. House J., Kádár D. Z. *Cross-cultural pragmatics*. Cambridge University Press, 2021.
16. Hyland K. Metadiscourse // *Conducting genre-based research in applied linguistics*. Routledge, 2023. P. 59–81.
17. Hyland K., Jiang F. Metadiscourse: the evolution of an approach to texts // *Text & Talk*. 2024. № 44(3). P. 411–433.
18. Hřebáčková M. Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange // *Training, Language and Culture*. 2019. № 3(4). P. 8–17. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.4.1>
19. Hristova D., Jovicic S., Göbl B. “Why did we lose our snapchat streak?” Social media gamification and metacommunication // *Computers in Human Behavior Reports*. 2022. № 5. P. 100172.
20. Levinson S. C. *Pragmatics*. Cambridge University Press, 1983.
21. Lewis T., Rienties B., Rets I. Communication, metacommunication and intercultural effectiveness in virtual exchange: the Evaluate Project // *Virtual exchange for intercultural language learning and teaching*. Routledge, 2022. P. 133–155.
22. Madrid-Morales D., Wasserman H. Research methods in comparative disinformation studies // *Disinformation in the global south*. Wiley Blackwell, 2022. P. 41–57.
23. Malyuga E., Maksimova D., Ivanova M. Cognitive and discursive features of speech etiquette in corporate communication // *International Journal of English Linguistics*. 2019. № 9(3). P. 310–318. <https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p310>
24. Moldovan A. Persuasive presuppositions // *Journal of Pragmatics*. 2023. № 211. P. 96–104.
25. Page R., Barton D., Lee C. *Researching language and social media: a student guide*. Routledge, 2022.
26. Popova K. V. Persuasion strategy in online social advertising // *Training, Language and Culture*. 2018. № 2(2). P. 55–65. <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4>
27. Putnam L. L., Fairhurst G. T. Revisiting “organizations as discursive constructions”: 10 years later // *Communication Theory*. 2015. № 25(4). P. 375–392.

28. Schnurr S. Exploring professional communication: language in action. Routledge, 2024.
29. Tajsin E. A., Gurianov A. S. Interpretation of sense/meaning in the communicative field // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021. № 3(4). P. 206–210.
30. Tannen D. Conversational signals and devices // *A cultural approach to interpersonal communication*. Wiley Blackwell, 2012. P. 157–167.
31. Tannen D. The medium is the metamessage // *Discourse*. 2013. № 2. P. 99–117.
32. Vishnyakova O. D., Polyakova N. V. Linguistic and functional cognitive peculiarities of media language as the basis of interpretations in the communicative sphere // *Training, Language and Culture*. 2017. № 1(2). P. 86-101. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.6>
33. Watzlawick P., Beavin J., Jackson D. Some tentative axioms of communication // *Communication theory*. Routledge, 2017. P. 4–80.
34. Yulianti S., Arafah B., Rofikah U. Conversational implicatures on Saturday Night Live talk show // *Journal of Language Teaching and Research*. 2022. № 13(1). P. 189–197.
35. Гришечко Е. Г. Оптимизация обучения иностранным языкам с использованием подкастов: анализ обратной связи и практического применения // *Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и методики преподавания иностранных языков*. Ростов-на-Дону: Академ-Лит, 2023. С. 69–72. EDN: [DJONAB](#)
36. Малюга Е. Н., Банщикова М. А. Англоязычный профессиональный жаргон в немецком рекламном медиадискурсе. М.: РУДН, 2011. EDN: [TIOFML](#)
37. Малюга Е. Н., Попова К. В. Лингвопрагматика речевых стратегий в социальной рекламе // *Российский социально-гуманитарный журнал*. 2018. № 4. С. 231–241. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-925>
38. Храмченко Д. С. Ирония в английском деловом дискурсе (функционально-синергетический подход). М.: Университет МГИМО, 2010. EDN: [QETCET](#)

References

- Alejandro, A., & Zhao, L. (2024). Multi-method qualitative text and discourse analysis: A methodological framework. *Qualitative Inquiry*, 30(6), 461–473.
- Aravind, A., Fox, D., & Hackl, M. (2023). Principles of presupposition in development. *Linguistics and Philosophy*, 46(2), 291–332.
- Bateson, G. (1972). The logical categories of learning and communication. In G. Bateson (Ed.), *Steps to an ecology of mind* (pp. 279–308). The University of Chicago Press.
- Brüggemann, M. (2014). Between frame setting and frame sending: How journalists contribute to news frames. *Communication Theory*, 24(1), 61–82.
- Castor, T. R. (2017). Metacommunication. In C. Scott (Ed.), *The international encyclopedia of organizational communication* (pp. 80–90). Wiley.
- Clark, U. (2013). *Language and identity in Englishes*. Routledge.
- Danilina, E. A., Kizyan, E. E., & Maksimova, D. S. (2019). Euphemisms in advertising discourse: Putting on a positive face and maintaining speech etiquette. *Training, Language and Culture*, 3(1), 8–22. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.1.1>
- Esser, F., Reinemann, C., & Fan, D. (2001). Spin doctors in the United States, Great Britain, and Germany: Metacommunication about media manipulation. *Harvard International Journal of Press/Politics*, 6(1), 16–45.
- Fialkoff, Y., & Pinchevski, A. (2024). Skilling communication: The discourse and metadiscourse of communication in self-help books. *The Communication Review*, 27(2), 148–171.
- Gershman, S. J., & Ullman, T. D. (2023). Causal implicatures from correlational statements. *PloS One*, 18(5), Article e0286067.
- Grice, H. P. (1975). Logic and conversation. *Syntax and Semantics*, 3, 43–58.
- Grishechko, E. G., (2023). Enhancing language learning with podcasts: Evidence from feedback and practice. In *Topical Issues of Intercultural Communication and Foreign Language Teaching Methodology* (pp. 69-72). Akadem-Lit. EDN: DJONAB
- Haiman, J. (2011). Moods and metamessages: Alienation as a mood. In J. L. Bybee (Ed.), *Modality in grammar and discourse* (pp. 329–346). John Benjamins Publishing Company.

- Hames, S., Haugh, M., & Musgrave, S. (2025). “How is that unparliamentary?”: The metapragmatics of “unparliamentary” language in the Australian Federal Parliament. *Lingua*, 320, Article 103932.
- Hansen, J. J. (2024). Design principles as communication: Text, context, and subtext. In I. F. Christensen (Ed.), *Creating design knowledge in educational innovation* (pp. 37–51). Routledge.
- House, J., & Kádár, D. Z. (2021). *Cross-cultural pragmatics*. Cambridge University Press.
- Hyland, K. (2023). Metadiscourse. In M. Kessler & C. Polio (Eds.), *Conducting genre-based research in applied linguistics* (pp. 59–81). Routledge.
- Hyland, K., & Jiang, F. (2024). Metadiscourse: The evolution of an approach to texts. *Text & Talk*, 44(3), 411–433.
- Hřebačková, M. (2019). Teaching intercultural communicative competence through virtual exchange. *Training, Language and Culture*, 3(4), 8–17. <https://doi.org/10.29366/2019tlc.3.4.1>
- Hristova, D., Jovicic, S., & Göbl, B. (2022). “Why did we lose our snapchat streak?” Social media gamification and metacommunication. *Computers in Human Behavior Reports*, 5, Article 100172.
- Khramchenko, D. S. (2010). Irony in English business discourse (functional-synergistic approach). MGIMO University. EDN: QETCET
- Levinson, S. C. (1983). *Pragmatics*. Cambridge University Press.
- Lewis, T., Rienties, B., & Rets, I. (2022). Communication, metacommunication and intercultural effectiveness in virtual exchange: The Evaluate Project. In A. Potolia (Ed.), *Virtual exchange for intercultural language learning and teaching* (pp. 133–155). Routledge.
- Madrid-Morales, D., & Wasserman, H. (2022). Research methods in comparative disinformation studies. In H. Wesserman & D. Madrid-Morlaes (Eds.), *Disinformation in the global south* (pp. 41–57). Wiley Blackwell.
- Malyuga, E., Maksimova, D., & Ivanova, M. (2019). Cognitive and discursive features of speech etiquette in corporate communication. *International Journal of English Linguistics*, 9(3), 310–318. <https://doi.org/10.5539/ijel.v9n3p310>

- Malyuga E. N., & Banschikova, M. A. (2011). English professional jargon in German advertising media discourse. RUDN University. EDN: TIOFML
- Malyuga, E. N., & Popova K. V. (2018). Linguo-pragmatics of speech strategies and tactics in social advertising. *Russian Social and Humanitarian Journal*, 4, 231-241. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2018-4-925>
- Moldovan, A. (2023). Persuasive presuppositions. *Journal of Pragmatics*, 211, 96–104.
- Page, R., Barton, D., Lee, C. (2022). *Researching language and social media: A student guide*. Routledge.
- Popova, K. V. (2018). Persuasion strategy in online social advertising. *Training, Language and Culture*, 2(2), 55–65. <https://doi.org/10.29366/2018tlc.2.2.4>
- Putnam, L. L., & Fairhurst, G. T. (2015). Revisiting “organizations as discursive constructions”: 10 years later. *Communication Theory*, 25(4), 375–392.
- Schnurr, S. (2024). *Exploring professional communication: Language in action*. Routledge.
- Tajsin, E. A., & Gurianov, A. S. (2021). Interpretation of sense/meaning in the communicative field. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 3(4), 206–210.
- Tannen, D. (2012). Conversational signals and devices. In L. Monaghan & J. E. Goodman (Eds.), *A cultural approach to interpersonal communication* (pp. 157–167). Wiley Blackwell.
- Tannen, D. (2013). The medium is the metamessage. *Discourse*, 2, 99–117.
- Vishnyakova, O. D., & Polyakova, N. V. (2017). Linguistic and functional cognitive peculiarities of media language as the basis of interpretations in the communicative sphere. *Training, Language and Culture*, 1(2), 86-101. <https://doi.org/10.29366/2017tlc.1.2.6>
- Watzlawick, P., Beavin, J., & Jackson, D. (2017). Some tentative axioms of communication. In C. D. Mortensen (Ed.), *Communication theory* (pp. 74–80). Routledge.
- Yulianti, S., Arafah, B., & Rofikah, U. (2022). Conversational implicatures on Saturday Night Live talk show. *Journal of Language Teaching and Research*, 13(1), 189–197.